Часть 1

С началом второго семестра в школе для меня воцарилась своеобразная атмосфера.

Причинами этому не были ни ностальгия по воспоминаниям о летних каникулах, ни стресс от незавершенной домашней работы.

Причиной были... Все верно, тревога и беспокойство перед предстоящим культурным фестивалем.

Культурный фестиваль Частной Старшей Школы Ходзумино проводился под руководством школьного студсовета. Фестиваль был учрежден семь лет назад по инициативе известного своей харизмой и прорывными идеями президента студенческого совета. По его задумке, фестиваль должен был напоминать TV-шоу.

Собрание студсовета, посвященное обсуждению роли студенческого совета в предстоящем мероприятии культурного фестиваля, президент начал со следующего вопроса:

— С давних пор девушки использовали преимущество Дня святого Валентина для того, чтобы признаться своим возлюбленным. Но как насчет нас парни?

Таким образом, мероприятие, санкционированное студсоветом под названием «Зов мужских сердец», более известное как «Фестиваль признаний», неотвратимо приближалось.

С приходом второго семестра бессмысленность прошедшего лета заставила задуматься многих учеников.

У некоторых еще оставался проблеск надежды. А вдруг что-нибудь случится? Ведь это же все-таки лето? Конечно, их ожиданиям не суждено было сбыться – перед началом нового семестра так ничего и не произошло.

Блин... Что же делать? Уже слишком поздно что-либо предпринимать. Я должен был избавиться от этих страданий пока мог...

Подождите... У нас в школе вроде бы должен пройти «Фестиваль признаний»? Как же хорошо, что он будет 15-го сентября. У меня еще есть куча времени, чтобы все исправить!

Примерно таким и был типичный мыслительный процесс подводящий парня к решению о признании. Однако после этого его ждала лишь фаза «молчаливого страдания».

Это было от того, что сам процесс «признания» происходил на огромной сцене посреди спортзала. Да-да, прямо на глазах у всей школы... Даже самые храбрые школьники не смогли

бы сдерживать дрожь в коленях от страха.

Однако награда была необычайно высока. Вероятность отказа на «Фестивале признаний» была крайне мала. Ну, по крайней мере, так утверждали организаторы.

Кто-то мог бы сравнить это явление с эффектом раскачивающегося моста. Девушка, растерявшаяся от смущения и общественного давления, вызванного признанием перед всеми учениками, кротко кивала и соглашалась встречаться, даже если ее истинные чувства были абсолютно не такими. Честно говоря, это было слишком невероятно, чтобы быть правдой. Однако вся школа говорила об этом как об абсолютной истине.

Вкупе с дополнительными преимуществами, помимо возросшей «крутости» в глазах окружающих и долговечности сложившихся отношений, что отчасти объяснялось не полнотой чувств, а лишь сложностью разрыва отношений, начатых на глазах такой толпы... Игра, определенно, стоила свеч для парней, готовых рискнуть.

Поэтому, с началом нового семестра, мы, беспомощные парни, которые не добились успеха в течении всего лета, также озадачились этим вопросом...

— Ну так что, Суехару, как насчет тебя?

Сегодня мы обедали в классе. Напротив меня сидел парень со светло-каштановыми волосами цвета чая. Он держал в руке свой бутерброд, однако вместо еды он предпочитал забрасывать меня вопросами.

Кай Тэтсухико – мой друг, однако я бы не назвал его влияние на меня положительным. Мы дружим уже довольно давно, кажется, еще с тех самых пор, как мы были новичками первокурсниками в этой школе... И с тех пор мы так и обедаем вместе.

— М-м-м? О чем ты? Что насчет меня?

— «Фестиваль признаний». Ты участвуешь?

— Чт... Почему ты спрашиваешь?

Я отвел глаза и понизил голос до шепота. Давление со стороны Тэтсухико было слишком ощутимым.

— Ой, хватит тебе, не придуривайся.

— Тц...

Я еле сдерживался от крика.

«Черт возьми, ты что действительно не можешь этого сказать вслух?»

Так, по крайней мере, я думал про себя. Потому что, сказать это, по сути, означало бы признаться, что существует кто-то, кто меня действительно интересуется. Так что... я просто отвернулся, избегая дальнейших вопросов.

По правде говоря, я планировал участвовать в «Фестивале признаний».

Семнадцать лет я прожил без девушки...

В младшей школе я задавался вопросом: «Действительно ли это так хорошо, быть в отношениях?»

В средней – мне уже этого хотелось, однако задача найти девушку казалась мне настолько недостижимой, что я даже никогда не рассматривал возможности попытаться.

В старшей школе, когда число парочек вокруг меня катастрофически увеличивалось, у меня началась настоящая паника.

Паника – это было именно то состояние, в котором я оказался по окончании лета моего второго курса.

Пришло время взглянуть правде в глаза.

Ну же, давайте трезво взглянем на вещи. Давайте предположим, что вы получили признание от того, кто вам очень нравится. Тогда, хотя у меня абсолютно нет никаких доказательств чтобы это говорить, но что-то же должно произойти? Я имею в виду что-то, что сблизит вас двоих еще больше или типа того? Поэтому, после этого всего, вероятно, все остальное получится само-собой, и вам не придется ничего делать, так ведь?

Конечно!

После этих мыслей, я наконец-то пришел в себя.

Именно поэтому, я абсолютно точно не должен раскрывать, кто-же именно мне интересен, до начала «Фестиваля признаний».

«...Кстати об этом, Тэтсухико, ублюдок.»

Разве это не само собой разумеющееся, что тот, кто тебя действительно интересуется... Та, в кого ты влюблен, является абсолютно секретнейшей информацией? О чем ты вообще думаешь, пытаешься выведать это настолько ничтожным и небрежным способом? Если бы был хоть один шанс, что кто-то узнал бы эту информацию и сказал бы что-то типа: «Черт, ты что, действительно влюбился в Х? Прикольно...» Не то чтобы для меня это было сколько либо важным, хах... Я могу просто умереть...

Словно осознавая или же просто игнорируя мои мысли, Тэтсухико, подперев одной рукой голову, продолжал поедать свой бутерброд с котлетой.

— Суехару, брат, тебя всегда так легко понять... Это даже становится скучным.

— Что? Тэтсухико? Ты что, смеешься надо мной?

— Да нет, это был вполне честный вопрос. Тем более, я знаю, что у тебя есть тот самый особый талант...

Некоторым вещам лучше бы навечно остаться несказанными.

Слова Тэтсухико тому яркий пример.

— ...Ты обещал никогда не говорить об этом!

— Да-да. Я помню, помню.

Тэтсухико не выказывал и тени раскаяния. Наоборот, его лицо озарила провокационная улыбка.

— Нуууу... Так что там по поводу «Фестиваля признаний»?

— Черт, ты все никак не успокоишься? Тогда что насчет тебя самого? Сам-то примешь участие?

Услышав вопрос, Тэтсухико ухмыльнулся:

— О, ты действительно хочешь это узнать?

Тэтсухико, казалось, специально ждал этого момента, чтобы картинно зачесать свои каштановые волосы, упавшие на его брови.

— Сейчас у меня на примете семь девушек, что, на самом деле, слегка хлопотно. Поначалу я

планировал распределить их по дням недели, однако сделать всего одно признание в субботу было бы большой тратой, ты так не считаешь? Новый план состоит в том, чтобы назначить два или даже три свидания на один день, но это все равно будет довольно проблематично скоординировать... Дело идет к тому, что я могу просто выбрать одну «большую рыбу» и покончить со всем этим «Фестивалем признаний»... Нуу что ты думаешь?

— Ты знаешь, что ты невероятен? Это действительно невероятно, насколько раздражающим ты можешь быть. Иногда я действительно хочу придушить тебя.

Если бы я общался с кем-нибудь другим, я бы наверное отшутился или посчитал бы такого человека просто идиотом. Однако Тэтсухико – это другой случай.

Как можете заметить, он действительно очень популярен в школе.

Достаточно просто взглянуть на его лицо. Он действительно симпатичный парень. Не удивительно, что он так популярен.

Однако...

— Подожди-ка, разве девушки не ненавидят тебя после того, как ты трижды спалился перед летними каникулами? Как же ты смог уговорить сразу семерых?!

— Они все из разных школ, придурок. Девушки из нашей школы теперь более высокого мнения о мусоре, чем обо мне. Например... Смотри.

Тэтсухико улыбнулся своей обворожительной белоснежной улыбкой одной из наших одноклассниц, стоящей у окна.

Она была тихоней из клуба искусств, нормальной девушкой, не имевшей потенциально опасных связей с Тэтсухико и уже тем более не являющейся одной из его бывших подружек.

Заметив Тэтсухико, она откровенно скривилась, отвернулась от нас и, забыв о приличиях, сплюнула в окно!

— Фууу, что за мусор на меня только что посмотрел. Мерзость. Уходим отсюда!

С этими прощальными словами, девушка с подругами убежали в коридор.

— Видишь?

— Что ты имеешь в виду под «видишь»? Я этого вообще не ожидал! Насколько же сильно они

тебя ненавидят? И тот факт, что это тебя абсолютно не волнует... Это же просто безумие!

— А? Послушай, Суехару, женщины – это существа, которые живут обманом мужчин. Между мужчиной и женщиной существуют такие отношения, в которых ты половину времени лжешь, а вторую половину тебя обманывают. Так что тебе не должно быть до лампочки, если они все равно тебя возненавидят, понимаешь?

— «Понимаешь?», не говори так, будто бы тебе нужно мое одобрение, мужик! Я этого не понимаю и не поддерживаю.

Он воистину настоящий мерзавец!

На лицо он довольно смазлив. Оценки на тестах довольно высокие. В спорте он тоже хорош.

Все это растрачено впустую этим куском биомусора.

Такова суть человека по имени Кай Тэтсухико.

— Ну ты уже наверное догадался, кто же станет моим большим уловом на этом «Фестивале признаний»?

В моей голове на мгновение промелькнуло лицо некой девушки. Однако, чтобы не выглядеть подозрительно, я изобразил незнание.

— Откуда же мне знать? Но... Я думаю в таком случае мне нужно у тебя спросить? Кому же ты признаешься на этом «Фестивале признаний», Тэтсухико?

— Качи Широкусе...

Холодный взгляд, ангельская улыбка и аромат тончайшего запаха шампуня, витающий в воздухе... Все это пронеслось у меня в голове, когда я обнаружил, что мое дыхание остановилось.

— Чтобы ты почувствовал, если бы я выбрал именно ее?

Тэтсухико широко улыбался, явно получая удовольствие от ситуации.

— ...Ничего.

— И что это, прости, за реакция?

— Я бы в принципе ничего не почувствовал. А что не так?

— Суехару, просто остановись. Ты смущаешь меня своими жалкими попытками оправдаться.

Я почувствовал, как в моей голове что-то щелкнуло.

— Я точно тебя убью. Я уже все решил.

— Ой, погоди, погоди минутку! Ты что, серьезен насчет нее? Эй, не надо так сердиться... О, это Качи!

«?!!»

Мое сердце начало бешено колотиться.

Тэтсухико продолжал пристально вглядываться во что-то позади меня, и это могло означать только то, что Широкуса приближается ко мне со слепой зоны.

Я уже совсем забыл об удушении Тэтсухико, поспешно прекратив неподобающее поведение, в то время как указательный палец моей правой руки закручивал мои волосы, демонстрируя мою старую нервную привычку.

Не успел я его отпустить, как Тэтсухико в максимально непринужденной и непростительной манере сообщил мне:

— Ох, моя вина. Кажется я обознался.

— Ты действительно хочешь умереть?! С меня хватит! Я не стану это дальше терпеть!

— Ты знаешь, мы конечно друзья и все такое... Но сейчас мне настолько весело, что я бы поставил на кон нашу дружбу!

— Я почти удивлен... Насколько же мало ты ценишь нашу дружбу?!

— О, ну а вот и Качи.

— Знаешь, Тэтсухико, даже мне было бы сложно купиться на этот трюк дважды...

— Вы что-то хотели?

— М-м-м-м?

Я развернулся в сторону из которой раздался элегантный голос, и конечно же там была Качи Широкуса.

— Я... Подожди, чего?! Качи?! А ты почему здесь?!

— Почему же? Что ж, начнем с того, что это вообще-то мой класс. Для меня находиться здесь гораздо более естественно. Или же вы не согласны?!

— Ну, так-то да... конечно... Но разве ты обычно не обедаешь вместе с Минэ в кафетерии?

— Мэйко отошла по делам. Не думаю, что там что-либо важное, однако все же мы закончили обед раньше.

Широкуса говорила абсолютно холодным, бесстрастным и безэмоциональным тоном, словно выражая абсолютное отсутствие интереса к своему собеседнику. Однако, ошибочным было бы считать это неприязнью с ее стороны.

Широкуса всегда так говорила.

Она была известна холодным отношением даже к своим подругам, что еще больше укрепляло ее репутацию «снежной королевы».

Я притворился абсолютно спокойным, чтобы не выдать свое учащенное сердцебиение.

Широкуса как и всегда была крайне завораживающей.

Величественная элегантность. Одна ее физическая форма уже сильно выделяла ее на фоне других девушек. Можно было бы задаться вопросом, является ли она чем-то божественным? Можно ли очиститься, просто находясь рядом с ней? Такова была ее аура.

Волосы Широкусы были темными и длинными.

Блистательные, привлекательные и бархатисто-гладкие.

Если бы я только мог расчесывать их... Их очарование никогда бы не позволило мне остановиться.

Также нельзя забывать о ее прекрасных бедрах, спрятанных за парой строгих чулков, пышной груди и бесподобном стане, спрятанном за этой школьной униформой... Ее фигура, казалось,

могла бы оставить позади бесчисленное количество самых популярных идиолов. Другими словами – «Эгоистично прекрасное тело», более горячее, чем самое жаркое лето, однако же искусно скрытое...

Когда бы я не смотрел на Широкусу, голову мою посещали самые смелые предубежденные фантазии.

«Я был бы разочарован, если бы она добровольно показала мне свои трусики...»

Сможете ли вы понять меня? Я был бы счастлив увидеть их именно потому, что они были скрыты! Только это имеет значение! Без риска это лишь разочарование!

Холодная безразличность Широкусы и ее безупречные черты лица абсолютно не сочетались с самим понятием эротичности. Разве это не значит, что ее тело эгоистично?

Другими словами, я хотел бы сказать, что само существование Широкусы было само по себе эротично на сто процентов. Что и требовалось доказать. Мне больше нечего добавить.

Однако, величественность Широкусы происходит из ее истинной ценности, находящейся за пределами ее потрясающей красоты и сексуальности.

— Как думаете, насколько же они большие?

— Четвертый размер? Может быть пятый?

— Черт, разве нельзя носить что-то более откровенное?

— Точняк! Купальник был бы просто идеальным вариантом!

Голоса двух одноклассников дрейфовали на границе слышимости.

Темой обсуждения конечно же была картинка в журнале. В этом не было в принципе ничего необычного.

Однако похоже этот диалог привлек внимание Широкусы. Может быть из-за легкой близорукости, Широкуса прищурилась, чтобы получше разглядеть обложку журнала.

К тому времени я уже понял причину ее интереса.

Тэтсухико тихо прошептал:

— Ох... Это что, изображение с Качи? Оно вышло в сегодняшнем журнале?

Плечи Широкусы сильно напряглись.

Сказать такое прямо перед лицом человека о ком идет речь... Я бы никогда не решился на подобное... Воистину, Тэтсухико обладает дьявольским бесстрашием.

Вокруг Широкусы начала распространяться зловещая аура.

Хотел бы я, чтобы мои мысли могли достичь тех парней, которые, судя по всему, прекрасно проводили время.

Господа соучастники, я абсолютно вас поддерживаю! Да и как бы я мог не поддержать вас? Как можно называть себя мужчиной, если тебя не возбуждает изображение прекрасной одноклассницы?!

Ну или как-то так я думал, настолько отчетливо, что казалось, весь мир уже был в курсе.

Но, естественно, это было абсолютно невозможно. Особенно находясь прямо перед обсуждаемой девушкой!

Пока двое парней расхваливали картинку, совершенно не глядя по сторонам, Широкуса уже приближалась к ним тихими кошачьими шагами.

«Ребята СШАДИ!!! Обернитесь, пожалуйста обернитесь!!!»

Я мог только молча наблюдать за этим. Ужасный страх сковал меня и не позволил предупредить их, когда Широкуса безмолвно и бесшумно продвигалась к ним.

— Ааа... Так значит купальник, да?

Добившись эффекта полной неожиданности, взбешенная Широкуса наконец-то выпустила на волю свое ледяное торнадо.

— Да, именно! Так и что же купальник должен сделать с этим устрашающим бюстом, а?

Парни медленно оборачивались возвращаясь в реальность...

На мгновение, на лице Широкусы возникла жизнерадостная ухмылка. В следующую секунду, она одарила их взглядом, по температуре приближающимся к абсолютному нулю.

— Я действительно ненавижу таких грязных людей.

— Кха.

Это единственное предложение, произнесенное с такой небрежностью, ужалило в сердце каждого парня в классной комнате...

Если бы мне только можно было высказаться... Я бы сказал о том, что мужчины созданы извращенцами по своей природе, а также спросил бы, почему же нельзя их простить и нельзя позволить лишь так страстно желать этой недостижимой красоты. Такой как Широкуса.

Но безжалостная атака ее ледяных клинков, как визуальная так и вербальная, была абсолютно неизбежна для этих несчастных.

— Итак, что же теперь?

— ...А?!!

— Находить моральное удовлетворение в оскорблении, унижении и дискриминации женщин – это нечто абсолютно точно противозаконное. Однако, я всегда старалась быть великодушным человеком, так что я дам вам двоим выбор... Вы можете прямо сейчас выпрыгнуть из окна, дабы защитить свою честь и достоинство, либо же быть арестованными полицией по обвинению в сексуальных домогательствах. Ну и что же вы выберете?

Все были в абсолютном шоке. Конечно, существуют такие парни, которые просто обожают, когда на них смотрят с таким холодом и отвращением, словно они какой-то мусор... Но таких абсолютное меньшинство!!!

Даже их подругам было бы крайне сложно сказать что-либо в их поддержку, особенно под таким давлением от Широкусы. И, честно говоря, теперь было бы лучше держаться на расстоянии от этих ребят.

— На... нам жаль. Пожалуйста, пощадите...

Строго взглянув на них, Широкуса забрала журнал с ее изображением.

— Эй!

— О, я конфискую это! Я оставлю это нашему учителю, вы сможете забрать это после уроков.

— О неееет, пожалуйста не надо!!! Только не учителю!!!

— Возражения?

Не было ни единого человека в этой школе кто смог бы противостоять силе взгляда Широкусы.

— Нет... Нам действительно очень жаль...

— Хмпф!

Даже не пытаясь скрыть своего отвращения, Широкуса развернулась и ушла к своему месту.

Мы с Тэтсухико украдкой переглянулись и начали тихонько обсуждать произошедшее.

— Видишь, именно поэтому у Качи и нет друзей. Тебе не кажется, что она производит впечатление одного из тех членов дисциплинарного комитета, которых можно постоянно увидеть в манге?

На эти слова Тэтсухико я смог только согласно кивнуть.

Она была выдающейся, красивой и знаменитой. Кто бы не захотел с ней сблизиться? Однако, все портила проблема ее жесткого или, точнее говоря, резкого темперамента.

Несмотря на это, я не разделял неприязни Тэтсухико к ее личностным качествам.

— Нууу она, может быть, немного переборщила, но я не думаю, что тебе стоит винить ее за злость. Признаю, ее слова достаточно резкие, но она в своем праве. Она не лжет и не выдвигает несправедливых обвинений, для того чтобы просто унижить парней. Правда ведь? Также тебе не стоило специально акцентировать внимание на том факте, что у нее мало друзей.

Мое личное мнение о Широкусе можно было бы охарактеризовать словом «Величественная».

Я чувствую, что Широкуса таким образом проявляет свою решимость не показывать своих слабостей. Разве это не еще одно доказательство ее величия, и ее исключительная манера речи не просто защитная реакция?

— Я не ждал от тебя меньшего, Суехару. Ты так быстро оправдал свою жену.

— Я не думаю, что твоя жизнь будет хоть сколько-нибудь долгой. Твой язык тебя же и погубит.

Хладнокровно игнорируя мои слова, Тэтсухико продолжил:

— Да хоть бы и так. Ты все равно должен признать. На этот раз Широкуса зашла слишком далеко. Ну а даже если и нет, она достигает предела!

— Разве это не, то что постоянно крутят по телику?*

[П/Р: Видимо, тут отсылка на какое-то телешоу.]

— Я конечно могу допустить, что гениальность и безумие это всего лишь две стороны одной медали... У нее конечно же есть элемент неожиданности, который казалось бы создан для телевидения. Мода на такое уже почти прошла, но она по-прежнему остается красивой девушкой, писателем из старшей школы и победительнице наград Акутами*.

[П/Р: Премия имени Рюноскэ Акутагавы — самая престижная из литературных премий Японии, присуждаемых дебютантам. Была учреждена в память о Рюноскэ Акутагаве, выдающемся японском писателе эпохи Тайсё, в 1935 году издательством «Бунгэй сьундзю» по инициативе Кикиути Кана.]

И это действительно так! Истинная ценность Широкусы заключается не в ее красоте и даже не в ее холоднокровных манерах, нет! Все дело в ее таланте, наградах и репутации признанного автора.

В прошлом году она дебютировала со своим литературным произведением под названием «Времена года, что мы провели вместе», а ведь на тот момент она была всего лишь первогодкой! Она уже была довольно узнаваема в школе, когда я наконец-то смог рассказать ей о своих впечатлениях по поводу книги, однако, в то время эта невероятная рукопись еще не выстрелила на большой сцене.

В следующие три месяца, она была номинирована и получила престижную премию Акутами, которая по праву считается воротами к будущему успеху в литературном мире. После этого она мгновенно вознеслась до уровня национального зала славы.

Такая молодая и такая невероятно талантливая красавица. Ее манера говорить была исключительно отстраненной. Ни грамма лести и все же такая энергичная и эксцентричная... Типичная манера всех гениев. Для нее было просто невозможно не быть популярной!

Достаточно популярная, чтобы появляться в разнообразном потоке журналов, телевизионных сюжетах и конечно же на гравюрных картинках – хотя там все и ограничивалось лишь школьной униформой да повседневным стилем.

— Конечно, она невероятна, но в конце концов, разве она не всего лишь очередная одноклассница?

Конечно же я намеренно блефовал!

— Я говорю вот о чем... У нас же как минимум есть Тада-семпай с третьего курса, она вроде бы модель-любитель? А как же первокурсница Мисава, которой пророчат карьеру идола? Качи, конечно, потрясающая на фоне нашего класса, но если взглянуть на общую картину... Она, получается, всего-то одна из многих, не правда ли?

В попытке не раскрыть своих истинных чувств, я понял, что зашел слишком далеко.

Правда была в том, что я никогда раньше не видел такой красавицы как Широкуса. И я думал о ней гораздо больше чем о всяких начинающих-моделях-семпаях или будущих-идолах-кохаях. Но высказать все это в открытую... Все равно что копать себе могилу.

Бах!

Раздался глухой удар.

Источником звука конечно же была Широкуса. Похоже, она ударилась ногой об парту пока садилась.

Однако же оставалось загадкой: было ли это случайностью, или она пнула бедный стол со злости.

«Это же не из-за меня да?»

Я не говорил настолько громко, она наверняка еще злится из-за той глупой ситуации с картинкой в журнале?

— Хо-хо... Ну, если мы поверим твоим очевидно лживым словам... Тогда Качи действительно другой случай...

— Как черт возьми ты это понял?! Пожалуйста давай закончим на этом. Прости меня, ладно?

— Хах... ну раз уж ты извинился... Позволь, пожалуй, дать тебе дружеский совет. Эта девушка слишком хороша для тебя. Тебе лучше бы сразу сдать.

— Ха?!

Мне следовало бы сыграть дурачка и сказать что-то вроде: «Да пофиг, она мне все равно не нравилась.» Однако то, что мне сказали «невозможно», да еще и до того как я признался! Это несколько сбивало с толку.

Вместо этого...

— Что ж, я не сказал бы, что она мне нравится, однако, тебе следует знать, что мы с Качи довольно близки.

...я ответил так.

Тэтсухико в недоумении потер подбородок.

— То есть, ты говоришь, что близок с Качи, которая, как все мы знаем, НАСТОЛЬКО сильно ненавидит парней???

— Нуууу... Я тебе никогда не рассказывал об этом, но в прошлом году, перед тем как Качи выиграла премию Акутами, мы случайно встретились по дороге домой. Я читал ее книгу, так что я смог рассказать ей, насколько эта книга мне понравилась. И после того, как я это сделал, она улыбнулась мне самой прекрасной улыбкой в моей жизни и сказала следующее:

— Спасибо. Твои слова делают меня по-настоящему счастливой. Я действительно рада... что могу... стараться также сильно, как и до этого!

Вот так я и поддался яду любви.

Улыбка, которую она никогда не показывала в школе... улыбка, предназначенная и показанная только мне...

Я хранил эти воспоминания, как самое сокровенное сокровище...

— Так вот значит как ты в нее влюбился?

— Н-нет!!!

С моей стороны это было довольно слабым отрицанием. Я продолжал болтать в надежде хоть как-то спасти сложившуюся ситуацию.

— Нуу, ты может этого не знал, но мы живем довольно недалеко друг от друга... Я пару раз случайно встречал ее после того разговора... Когда ты встречаешься с Качи вне школы, она абсолютно другой человек... Такая живая и беззаботная? Так что, я не сказал бы, что она мне нравится, но мы с ней довольно близки...

Мне было приятно с ней общаться, ее внешность была полностью в моем вкусе. Ее бесподобный стиль... У нас были схожие интересы... Все эти мелочи постепенно накапливались

и привели меня к этому моменту.

— Суехару...

Тэтсухико осторожно положил обе руки на мои плечи.

— Бедняжечка... Чтобы так попасться на удочку своих фантазий... Потерять голову от своих иллюзий... Решено! Я устраю нам групповое свидание! Так что, пожалуйста, вернись к нам в реальность!

— Почему же тебе всегда нужно быть таким отвратительным? И не притворяйся, пожалуйста, будто делаешь мне одолжение!

Я с силой заткнул Тэтсухико рот своей железной хваткой, заставив его стучать по столу в знак признания поражения.

— А если предположить, что твои заблуждения могут быть верны...

— Если кто здесь заблуждается, так это ты! Ты искажаешь факты!

— И хотя ты ведешь себя как полный идиот и кусок дерьма, ты все равно единственный, с кем Качи ведет себя приветливо.

— Пожалуйста, перестань меня так называть. У меня нет твоей беспросветной твердолобости, так что это меня реально задевает.

— Так вот почему ты реально думаешь, что Качи может быть влюблена в тебя?

— Э-э... Нет. Честно говоря, это уже перебор. Я клянусь, я никогда ни о чем таком и не думал!

Простите, но именно так я и думал! Да и как могло быть иначе? Судя по тому, как она ведет себя с другими парнями и со мной. Да ладно, разве вы не видели, как она вела себя с Тэтсухико, и как потом вполне нормально говорила со мной? Та «нормальность», которую не достичь никому другому... Это даже не считая того, что мы живем рядом и многократно встречались по дороге домой. Могли ли все эти встречи быть случайными? Она определенно меня ждала!

Если учесть все эти факторы, вывод может быть только один: что прямо сейчас Широкуса ждет, чтобы я признался ей.

У меня не было больше никаких сомнений. Да и что мне оставалось... кроме как выступить на

«Фестивале признаний»?

Но подождите-ка... если на «Фестивале признаний» у нас все получится, разве об этом моментально не узнают абсолютно все? Широкуса достаточно известна, и ей определенно не понравится, если многие журналы и телеканалы будут сыпать разоблачениями типа:

«Прекрасная писательница из старшей школы, победитель премии Акутами, Качи Широкуса, наконец-то нашла свою любовь! По слухам, это никто иной, как ее одноклассник, Мару Суехару!»

Черт возьми, разве я не окажусь в центре внимания? Блин, а есть ли у меня что-нибудь приличное, какой-нибудь костюм, чтобы появиться перед камерами? Решено! Нужно отправится за покупками в Омотэсандо* на следующих выходных.

[П/Р: Омотэсандо — обсаженная деревьями, аллея, расположенная в районах Сибуя и Минато, Токио, простирающаяся от входа в храм Мэйдзи до Аояма-Дори, где находится станция Омотэсандо.]

Однако, услышав разговор Широкусы с ее вышеупомянутой подругой Минэ Мэйко, меня постигло сплошное уныние.

— Ой, Широкуса-сан, похоже ты не в настроении. Что-то случилось?

— Возможно... Я просто думала о том, как бы это было прекрасно, если бы все мужчины в мире просто умерли.

...Это же просто совпадение, да? Она же не может иметь в виду и меня тоже, да?

Неужели романтические чувства Широкусы действительно всего лишь плод моего воображения?

Если рассуждать логически, Широкуса - автор, красавица, появляется в журналах, отличница, да и в спорте тоже хороша. И, естественно, она довольно привлекательна на взгляд парней.

Во мне же... нет ничего стоящего упоминания.

Глядя на спину Широкусы, я погружался в свои мысли.

О том, как первая любовь может быть одновременно такой волнительной и в тоже время такой горькой на вкус.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/30412/1234250>